

А. Смирнов

РУМЫНСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «ЕВРОМАЙДАНА»: НАПРЯЖЕННОСТЬ НА ФОНЕ СБЛИЖЕНИЯ

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-2-40-55

Наряду с Польшей и Венгрией, Румыния является третьей восточно-европейской страной, имеющей сложности в отношениях с независимой Украиной. Как и упомянутые страны, Румыния болезненно переживает территориальные потери, понесенные в XX в., и всерьез обеспокоена судьбой своих соотечественников, находящихся под юрисдикцией Киева. Однако, в отличие от Варшавы и Будапешта, официальный Бухарест менее склонен выставлять «исторические счета» украинским властям. По крайней мере, с конца 90-х годов высказанные претензии не носят ультимативного характера и затрагивают, главным образом, область политической ретроспекции.

Ни территориальные споры, ни противоречия в оценке положения национальных меньшинств, ни логистические проблемы дунайского судоходства не привели к серьезному двустороннему охлаждению, хотя и добавляли нервозности в дипломатическую атмосферу. Конечно, на протяжении длительного времени отношения оставались довольно натянутыми, чему в немалой мере способствовала антиукраинская риторика, периодически звучащая в заявлениях официальных лиц и практически не умолкавшая в публичном информационном пространстве. Но «прикладной» национализм румынского руководства прежде всего служит задачам самоутверждения на международной арене и не содержит прямых вызовов, адресованных восточному соседу.

Подобная сдержанность во многом обусловлена не теряющей актуальности проблемой приднестровско-молдавского урегулирования, которая на протяжении трех десятилетий занимает «умы и сердца» румынских политиков в связи с официально принятым курсом на «румынизацию» Молдовы. В этих условиях провоцирование конфликта с Киевом представляется контрпродуктивной и весьма нежелательной моделью поведения, разворачивающей геополитическую ситуацию не в пользу Румынии и потому противоречащей коренным интересам всего румынского политикума.

По большому счету, с момента распада Советского Союза, зафиксировавшего существующие границы, именно приднестровская проблема подспудно являлась наиболее серьезным раздражителем, мешающим Бухаресту

признать Киев в качестве стратегического партнера. Различия во взглядах на природу конфликта препятствовали выработке общей позиции и создавали почву для взаимного недоверия, особенно выраженного с румынской стороны. С течением времени противоречия несколько сгладились, но вплоть до 2014 г. Украина в сознании румын имела образ государства, проводящего «недружественную политику».

Следует отметить, что идея «великой Румынии» (Романия Маре) по сей день сохраняет свою притягательность для политического класса и граждан. В сложившихся условиях она является если не руководством к действию, то, по меньшей мере, очень востребованным символом, вокруг которого строится национально-государственная идентичность. Украинский опыт государственного развития демонстрирует совершенно иную динамику.

Масштабный кризис государственного устройства, переживаемый Украиной с февраля 2014 г., подверг существенной ревизии практически все аспекты внутренней и внешней политики страны, отменив «базовые установки» там, где они еще существовали. Возникшая на их месте новая политическая реальность постоянно видоизменяется под влиянием множества факторов, что само по себе отражает нестабильность и неуверенность киевского режима. Румынско-украинские отношения не стали исключением. Проследим, как события «майданной революции» и последовавшего за ней «национального возрождения» затронули проблемные сферы сосуществования двух государств.

Можно выделить пять основных проблемных блоков, находящихся на пересечении интересов двух стран. Во-первых, это вопрос о границе, возникший после распада Советского Союза, когда официальный Бухарест отказался признать результаты референдума об украинской независимости в Северной Буковине и Южной Бессарабии, ранее входивших в состав румынского государства. С подписанием полномасштабного Договора о дружбе и сотрудничестве между Румынией и Украиной, вступившего в силу в октябре 1997 г., вопрос о принадлежности упомянутых территорий был снят – в соответствии с базовым соглашением о границе они безоговорочно признавались частью украинского государства.

В 2003 г. Румыния признала принадлежность Украине острова Змеиный, но территориальные претензии сохранялись до 2009 г., когда Международный суд ООН решил вопрос о разграничении между государствами континентального шельфа в этом районе. На этот раз Бухаресту удалось хотя бы частично отыграть спор в свою пользу, получив 80% шельфа, богатого углеводородами. Казалось бы, проблема границы и спорных территорий окончательно снята с повестки дня, но она может возникнуть вновь, если прежние соглашения потеряют силу в результате коллапса украинской госу-

дарственности. Неслучайным представляется всплеск интереса к теме «утраченных территорий», отмеченный в Румынии пять лет назад на фоне событий «майданной революции».

В данном контексте особую актуальность приобретает второй проблемный блок, касающийся положения и статуса румыноговорящих меньшинств, проживающих на территории Украины. Следует заметить, что существенное противоречие коренится уже в самой постановке проблемы, поскольку румынская этнополитическая доктрина причисляет к числу этнических румын также всех лиц, считающих себя молдаванами, а украинское законодательство проводит строгое разграничение в этом вопросе. Отказавшись от территориальных претензий, румынские власти сместили акценты в гуманитарную плоскость.

Официальный Бухарест вкладывает значительные (по собственным меркам) средства в образовательные и культурные программы для этнических румын и молдаван, создавая тем самым ресурс своего влияния на территориях, где те компактно проживают. К таковым относятся западные районы Одесской области, а также регион Северной Буковины и город Черновцы. Одесская область представляется менее благоприятным полигоном для политико-культурного влияния Румынии, нежели регион Черновцов–Буковины, но работа ведется по обоим направлениям. В силу упомянутых причин, представители Бухареста очень болезненно восприняли новую языковую политику, проводимую властями «постмайданной» Украины в отношении этнических меньшинств. Кроме того, одной из составляющих румынской культурной экспансии выступает деятельность Бессарабской митрополии, подчиненной Румынскому патриарху.

Третий проблемный блок связан со спорами вокруг украинского судоходного канала в дельте Дуная. С его прокладкой была нарушена монополия Румынии на получение дохода от эксплуатации ключевого отрезка дунайской транспортной системы. Украинский фарватер, проходящий по устью Быстрое, переориентировал на себя до 40% всего речного трафика, чем вызвал плохо скрываемое раздражение Бухареста.

Уже упомянутая проблема Приднестровья составляет четвертую сферу обоюдной, но не вполне взаимной заинтересованности сторон. Долгое время Украина старалась проводить собственную политическую линию в приднестровско-молдавском урегулировании, опираясь на официальный статус страны – гаранта переговорного процесса, полученный в 1997 г. в соответствии с Меморандумом «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой». Это стремление было мотивировано не только соседством непризнанной республики с «незалежной» украинской державой, но и значительным числом эт-

нических украинцев, проживавших на территории ПМР. Смена внешнеполитических приоритетов, связанная с переворотом 2014 г., отпадением Крыма и военными действиями на украинском юго-востоке, сблизила позиции Киева и Бухареста в данном вопросе.

Пятый проблемный блок выстраивается вокруг политических обязательств, которые накладывает на Румынию членство в Европейском союзе и Североатлантическом альянсе. Возможные в связи с этим противоречия двусторонних отношений обусловлены разностью подходов к гипотетически отдаленным перспективам европейского будущего Украины. Для румынской стороны суть вопроса состоит не в возможном переходе бывшей советской республики на «европейские рельсы», а в той роли, которую ныне и впредь отводят Бухаресту «старшие» западные партнеры.

Современный этап румынско-украинских отношений ведет отсчет с начала 2014 г., когда после «революции достоинства» двусторонний диалог «вышел на качественно новый уровень». «Послемайданное» сближение двух стран является неоспоримым фактом, который при всяком удобном случае любят подчеркивать представители Киева. Это, в частности, послужило одной из основных тем пространного интервью, данного в сентябре 2018 г. послом Украины в Румынии Александром Баньковым [1]. Пресловутый «перелом» в отношениях часто объясняют ассоциативной связью между «майданной революцией» и румынскими событиями четвертьвековой давности. Якобы румынское общество «увидело» в революционном Киеве свое собственное прошлое – национальный подъем 1989 г. и восстание против режима Чаушеску. В контексте подобных ассоциаций украинцы стали восприниматься как «люди с развитым гражданским сознанием», духовно близкие и достойные уважения, а пессимистически-настороженный взгляд на потенциально недружественного восточного соседа сменился ожиданием диалога и взаимодействия. За минувшие пять лет такая «романтическая» версия произошедшего неоднократно озвучивалась представителями властей, экспертных сообществ и СМИ обеих государств.

Если абстрагироваться от украинофильских настроений, пробудившихся в румынском обществе, но, очевидно, имевших лишь опосредованную связь с принятием политических решений, следует признать главенство иных, геополитических мотивов. Отчасти они проистекали из общезападной установки на поддержку «молодой украинской демократии» – отчасти (и, возможно, в большей степени) из собственных внешнеполитических приоритетов, главнейшим из которых является закрепление на постсоветском пространстве. Напрашиваются вполне очевидные восточноевропейские аналогии как для описанной мотивировки, так и для ее практических имплементаций. Реакция Румынии на происходящее была во многом схожа с ре-

акцией Польши, также испытавшей небывалый прилив теплых чувств к Украине, но затем очень быстро остывшей.

Официальный Бухарест всегда был кровно заинтересован в «европейском выборе» украинцев, видя в этом их «уход» из сферы влияния Москвы. Не случайно именно румынский Сенат первым ратифицировал Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским союзом. В связи с этим малобудительными выглядят и попытки связать румынско-украинское сближение с актуализацией фактора «российской угрозы». Конечно, после событий «крымской весны» и боевых действий на украинском юго-востоке ссылки на «агрессивное поведение» России стали нормой, почти «правилом хорошего тона», уместным, а то и обязательным, при обосновании любого шага, совершаемого в западной системе «геополитических координат».

Однако, рассуждая о новом качестве отношений между Румынией и Украиной в условиях противодействия вызовам со стороны России, политики обеих «противодействующих» стран нарушают причинно-следственную обусловленность событий. Именно политический переворот, осуществленный в Киеве по инициативе и при поддержке стран Запада, стал «спусковым механизмом» украинского кризиса, который в свою очередь потребовал ответных шагов со стороны Российской Федерации.

Роль Румынии в данной ситуации, помимо налаживания партнерских связей с новыми киевскими властями, ограничивалась рядом демонстративных действий, призванных подтвердить солидарность с политикой стран НАТО и Евросоюза. Такое положение вещей без существенных изменений сохраняется до настоящего момента. За прошедшее пятилетие выдвигались и довольно курьезные инициативы. Например, в апреле 2016 г. Министерство обороны Румынии предложило создать Черноморский флот НАТО с участием ВМС Украины. Следует заметить, что с началом украинского кризиса основная функция Бухареста как члена «западного блока» заключается в предоставлении своей территории, морской и транспортной инфраструктуры под возросшие нужды Североатлантического альянса, причем отправление этой функции не нуждается в каких-либо дополнительных публичных инициативах. Как бы то ни было, Бухарест остается главным проводником стратегии НАТО в Черноморском регионе и выступает с инициативами, направленными на усиление здесь присутствия Альянса.

В свете всего сказанного возникает закономерный вопрос: не является ли сближение двух стран лишь прямым следствием резкого ухудшения российско-украинских отношений? Коль скоро разлад между Москвой и Киевом отвечает геополитическим интересам Бухареста, способствуя усилению его региональных позиций, утвердительный ответ очевиден. На протяжении достаточно длительного периода, последовавшего за распадом СССР,

в соответствии с румынской внешнеполитической доктриной, Украина рассматривалась как пророссийски ориентированное государство. Нынешняя геополитическая уязвимость Киева, оказавшегося на положении клиента западных стран, позволяет Румынии позиционировать себя как одного из значимых акторов в деле «обеспечения безопасности» Черноморского бассейна.

Приходится констатировать, что прошедшая в 2014 г. «перезагрузка» румынско-украинских отношений ничего принципиально не изменила в сути проблем, десятилетиями подпитывавших двустороннюю напряженность. Кардинальные изменения претерпели геостратегические приоритеты украинского государства, и Румыния утратила символический статус наиболее вероятного потенциального противника на западном направлении в связи с возникновением источника реальных угроз на востоке. Соответственно, Бухарест оказался в положении союзника, но без внятных союзнических обязательств. Сближение, достигнутое под воздействием внешних факторов, само по себе не располагает к взаимности и стабильности. Если же учесть очевидный националистический крен нового киевского режима, перспективы такого союза выглядят еще более шаткими.

Взаимные противоречия, «нивелированные» фактором «российской угрозы», в той или иной мере сохраняют свою актуальность. В связи с шовинистическим настроением «постмайданных» властей, наиболее мощным конфликтогенным потенциалом для взаимоотношений Украины не только с Румынией, но и с остальными пограничными государствами, является проблема этнических меньшинств. Однако наибольшую остроту и сложность данный вопрос приобретает в диалоге Киева и Бухареста из-за различия трактовок.

Следует заметить, что существенное межгосударственное противоречие коренится уже в самой постановке проблемы, поскольку румынская этнополитическая доктрина причисляет к числу этнических румын также всех лиц, считающих себя молдаванами, а украинское законодательство в этом вопросе проводит строгое разграничение. Например, министр иностранных дел Румынии Андрей Марга еще в 2012 г. выражал недовольство упоминанием в украинских законодательных актах двух разных языков – румынского и молдавского: «Нет никакой разницы между “молдавским” и румынским, так как существует только один язык – румынский. В разных регионах местные жители используют его диалект, но это уже другая сторона вопроса. Румыния не признает существование обособленного от румынского “молдавского” языка» [2].

Обеспокоенность судьбой соотечественников довольно отчетливо прозвучала в заявлениях официальных румынских представителей в 2014 г., сразу после победы «евромайдана». Поводом для беспокойства стала ради-

кальная языковая политика новых киевских властей, поставившая все неукраинские языки в подчиненное положение по отношению к «мове». Однако тогда Киеву удалось убедить своих западных соседей в том, что установленные ограничения направлены почти исключительно против русского языка, который по объективным показателям не являлся (и до сих пор не является) средством общения этнических меньшинств. Отмена прежнего закона 2012 г. «Об основах государственной языковой политики», предпринятая Верховной радой 23 февраля сразу после смены власти, преподносилась как необходимая мера, направленная на предотвращение культурно-языковой экспансии России. Вместе с тем решение депутатов Рады впоследствии подвергалось критике даже со стороны руководства Украины как скоропалительное, эмоциональное и несвоевременное. Аннулирование языковой автономии стало одним из мощных катализаторов сепаратистских настроений на украинском юго-востоке.

Отмененный закон предусматривал использование на Украине «региональных языков», то есть языков, которые, согласно данным переписи населения, считают родными более 10% населения соответствующего региона, и санкционировал широкое распространение подобной практики. В пределах «своей» территории региональный язык мог использоваться в законодательно установленных сферах наравне с государственным украинским языком. Следует отметить, что данная норма почти полностью удовлетворяла интересам румынской стороны. В 2012 г. президент Румынии Траян Бэеску выразил свою признательность украинскому лидеру Виктору Януковичу за принятый закон и языковую политику, проводимую Киевом в отношении проживающих на Украине румын. При этом было отмечено существенное расширение прав меньшинств, выгодно отличавшее новый курс от политики, проводимой предшественниками Януковича [3]. Столь позитивная нота добавила теплоты в не слишком близкие румынско-украинские отношения тех лет.

Радость официального Бухареста оказалась недолгой. Произошедший в Киеве националистический переворот был в целом весьма благосклонно воспринят румынским истеблишментом, предпочитавшим до поры «не замечать» происходящих «эксцессов». Но если на первые жесткие действия украинских властей Румыния отреагировала очень сдержанно, выразив лишь сожаление, то их последующие шаги повлекли более серьезные дипломатические последствия. В первую очередь, это касается закона «Об образовании», принятого Верховной радой 5 сентября 2017 г. и вступившего в силу 28 сентября после подписания президентом Порошенко. Принятый закон фактически вводит монополярный статус украинского языка в процессе школьного обучения – согласно ему, языки национальных меньшинств до-

пускаются к преподаванию лишь в начальной школе, а с 2020 г. все образование в стране должно стать украиноязычным.

Показателем недовольства румынской стороны явилась отмена визита президента Клауса Йоханниса, намеревавшегося посетить Украину в октябре. По словам самого Йоханниса, визит отложен до того момента, пока «Украина не устранил проблему с принятым законом, который, на наш взгляд, противоречит добрым взаимным намерениям» [4]. Румынский парламент принял декларацию о дискриминационной политике соседнего государства в отношении национальных языков и в полном составе проголосовал за создание специальной комиссии по вопросу украинского образовательного закона.

Кроме того, представители Румынии, наряду с венгерскими коллегами, обратились в Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ), инициировав обсуждение действий украинской стороны, и направили запрос в Венецианскую комиссию Совета Европы о соответствии новопринятого закона международным и конституционным обязательствам государства. Наконец, румынское внешнеполитическое ведомство выступило с итоговым заявлением, объясняющим суть выдвигаемых претензий. В нем, в частности, отмечается, что статья 7 украинского закона «Об образовании» в ее нынешней редакции ущемляет право получения образования на родном языке лицам, принадлежащим к румынскому меньшинству. По словам главы МИД Румынии Теодора Мелешкану, вопрос обеспечения данного права останется на повестке дня до изменения позиции Киева [5].

Реакция Совета Европы не во всем и не вполне соответствовала румынской позиции, но давала основания надеяться на дальнейшую поддержку. ПАСЕ приняла резолюцию, в которой выразила обеспокоенность новым украинским законом «Об образовании» как способствующим значительному сокращению прав национальных меньшинств. При этом в ходе дебатов ПАСЕ приняла большинство поправок румынских и венгерских представителей, отстаивавших наиболее неприемлемую для Киева редакцию резолюции. Кроме того, Парламентская Ассамблея высказала недовольство тем обстоятельством, что Украина направила законопроект на рассмотрение Венецианской комиссии после его официального принятия, а не до этого [6].

В свою очередь Венецианская комиссия также установила обоснованность ряда ранее высказанных претензий к закону. В соответствии с заключением Комиссии, «статья 7 содержит важные двусмысленности и, как представляется, не обеспечивает соблюдение ключевых принципов, необходимых для выполнения рамочного закона в контексте международных и конституционных обязательств страны». Вместе с тем было отмечено, что Закон об образовании является рамочным законом, предполагающим в пер-

спективе разработке дополнительного закона о среднем образовании, который «мог бы предусматривать детальные и более сбалансированные решения», принятые после консультаций с представителями национальных меньшинств. Кроме того скандальный закон создает правовую основу для преподавания ряда школьных предметов на официальных «европейских языках». В дальнейшем данное положение послужило базой для двусторонних соглашений Украины со странами ЕС и, в частности, с Румынией.

Нельзя сказать, что подобное несоответствие осталось незамеченным. Как подчеркивается в тексте заключения, принятый законодательный акт «не дает решений для языков, которые не являются официальными языками ЕС, в частности для русского языка как наиболее широко используемого негосударственного языка», «менее благоприятное отношение к этим языкам сложно оправдать, и поэтому оно поднимает вопрос о дискриминационности нормы» [7]. Впрочем, упомянутое замечание сложно назвать ключевым для европейского арбитража, основное внимание экспертов Комиссии было сосредоточено на правах национальных меньшинств, имеющих «европейскую аккредитацию».

Таким образом, Будапешт и Бухарест совместными усилиями скандализовали ситуацию посредством привлечения внимания европейских структур к происходящему на Украине. В своем подчеркнуто негативном восприятии украинского законодательства Румыния вслед за Венгрией заявила о готовности торпедировать любое сближение Киева с ЕС и НАТО до тех пор, пока не будет найдено приемлемое решение проблемы. В самом начале конфликта румынский МИД рассчитывал заручиться поддержкой не только еще более решительно и жестко настроенного Будапешта, но и других стран, «пострадавших» от злополучного закона — Польши, Словакии, Болгарии. Вскоре, правда, выяснилось, что перечисленные страны предпочитают действовать поодиночке, улаживая свои противоречия с Киевом на двусторонней основе.

В течение октября 2017 г. Румыния всячески демонстрировала свое недовольство, однако на уровне дипломатических консультаций с представителями Украины шел интенсивный поиск компромиссной формулы, учитывающей интересы обеих сторон. Киев в свою очередь старался погасить разгорающийся конфликт, особенно опасаясь скоординированных действий недовольных государств. С этой целью глава украинского МИД Павел Климкин совершил поездку в Бухарест, где провел переговоры с румынским коллегой Теодором Мелешкану. Визит состоялся 13 октября, то есть на следующий день после принятия болезненной для Украины резолюции ПАСЕ. Комментируя итоги своего визита, Климкин сказал: «В Румынии все совсем

по-другому, чем в Венгрии. Есть готовность к открытому диалогу. Но нужно предметно работать с местной громадой» [8].

Готовность к диалогу была продемонстрирована в ходе ответного визита главы МИД Румынии Мелешкану на Украину в декабре 2018 г. На этот раз встреча министров проходила в Черновцах — районе компактного проживания румынского меньшинства. Она сопровождалась целым рядом символических акций, призванных продемонстрировать Бухаресту, а также всему мировому сообществу отсутствие дискриминации украинских граждан по этно-языковому признаку. Самым значительным мероприятием стало открытие общеобразовательной румыноязычной школы в селе Йорданешти на Буковине. Официальный Киев стремился всячески подчеркнуть конструктивно-партнерский характер взаимоотношений с западным соседом, и румынская сторона, как видно, не возражала. После окончания встречи Теодор Мелешкану назвал переговоры о проблемах румынской общины на Украине «очень хорошими и последовательными». При этом он подчеркнул, что речь не идет об изменении румынской позиции относительно украинского образовательного закона [9].

В Черновцах было решено начать переговоры по протоколу о сотрудничестве между министерствами образования Украины и Румынии. Данный документ должен предусматривать взаимные гарантии языковых прав нацменьшинств – предметом дальнейших переговоров становится не только положение румын на Украине, но и этнических украинцев в Румынии. Украинское правительство пообещало румынской стороне принять серию подзаконных актов, учитывающих особенности обучения детей в румыноязычных школах. В соответствии с достигнутыми договоренностями, имплементация соглашений должна стать объектом постоянного мониторинга румынских властей, а финансирование учебных заведений планируется осуществлять при участии Бухареста.

Несмотря на официальные заверения в неизменной и жесткой позиции, касающейся прав румынского меньшинства, власти Румынии продемонстрировали явное стремление к улаживанию спора с Киевом. Причиной тому стали не только упомянутые геополитические соображения, состоящие в общности стратегических интересов двух стран. В определенной степени к улаживанию конфликтной ситуации может быть причастна и Польша, заметно сблизившаяся в последние годы с Румынией по поводу происходящего на Украине. Кроме того, в международной реакции на украинский образовательный закон отразился давний конфликт между Румынией и Венгрией, возникший также вокруг этнического меньшинства, только в данном случае — венгерского.

Хотя обе страны выступили с осуждением Киева и в дальнейшем координировали свои усилия, надо полагать, Бухарест не намерен поддерживать непримиримый тон Будапешта, взятый им в отношении прав своих соотечественников, проживающих на Украине. Это было бы контрпродуктивно, принимая во внимание, что и сама Румыния сталкивается с подобными венгерскими притязаниями, пусть и не столь ярко выраженными. Коль скоро у Бухареста есть возможность договориться с Киевом по самым принципиальным вопросам, обострение конфронтации представляется румынскому руководству нецелесообразным, во всяком случае, на данном этапе. При этом сама этнотерриториальная первооснова конфликта с Украиной будет оставаться актуальной на обозримую перспективу как для Румынии, так и для Венгрии.

Вскоре после принятия украинского образовательного закона, в момент, отмеченный особенно сильным недовольством румынской стороны, представители Киева и Бухареста встретились на заседании ПАСЕ. Комментируя агрессивно-эмоциональный тон заявлений румынской и венгерской делегаций, член украинской делегации в ПАСЕ, первый вице-спикер Верховной рады Ирина Геращенко обвинила своих восточноевропейских коллег в «скрытых территориальных претензиях к Украине», отметив, что «это недопустимо» [10]. Возникает вопрос: насколько обоснованы подобные обвинения применительно к Румынии, и не являются ли они лишь болезненной реакцией украинской дипломатии на нежелательный международный резонанс, порожденный во многом действиями самих же киевских политиков и законодателей?

Озабоченность официального Бухареста судьбой соотечественников, проживающих на Украине, обусловила принятие масштабной программы поддержки румынской общины. К 2014 г. в Черновицкой области, по данным местной обладминистрации, действовало 83 школы с румынским языком обучения, 8 смешанных украинско-румынских школ и около полусотни румынских детсадов. Все они в той или иной степени получали финансирование из бюджета соседнего государства. При этом со стороны представителей местных сообществ регулярно высказывались жалобы на дискриминацию румыноязычного населения, а также его насильственную ассимиляцию, мгновенно получавшие отклик в государственных структурах и медийном пространстве Румынии.

Все это происходило еще до пресловутого потепления румынско-украинских отношений, когда обе страны видели друг в друге не стратегических союзников и партнеров, а потенциальных противников. Поэтому, как явствует из контекста действий румынской стороны, в ситуации разразившегося языкового конфликта Бухарест отстаивает не только права своего

меньшинства на чужой территории, но и собственные инвестиции в развитие социо-культурной среды, что, при ином качестве оценок, тождественно распространению зоны политического влияния. Конечно, слова и поступки современного румынского руководства не имеют столь яркой националистической окраски и не столь явно проникнуты духом экспансионизма, как это было при прежнем президенте Траяне Бэеску, но суть его политики остается неизменной.

Обвиняя власти «постмайданной» Украины в дискриминационной языковой политике, представители официального Бухареста предпочитают не вспоминать, насколько жестко и грубо проводилась «румынизация» Северной Буковины и Южной Бессарабии в период между мировыми войнами, во время их нахождения в составе Румынского Королевства. Идея «великой Румынии» служит ныне идентификатором, определяющим принадлежность к нации, то есть в той или иной мере указывающим на потребность разделять ее ценности и готовность отстаивать ее интересы.

Распространение данной идеи в восточном направлении, за пределы современных границ румынского государства имеет черты политического вмешательства, что, разумеется, осознается как руководством самой Румынии, так и властями сопредельных государств — Молдовы и Украины. По этой причине румынские политики, занимающие высокие государственные должности, стараются не смешивать тему «отторгнутых территорий» с проблемой самоопределения румыноязычного меньшинства, компактно либо дисперсно проживающего в упомянутых регионах.

Как следствие, любое политически мотивированное действие Бухареста, включая массовую раздачу румынских паспортов потомкам «жертв сталинской аннексии 1940 года», получает культурно-образовательное и гуманитарное обоснование. Стоит заметить, что политические деятели, «не обремененные» официальными постами и должностями, без стеснения рассуждают о перспективах «воссоединения» румынской нации не только в духовном или культурном аспекте, но и в территориально-политическом смысле, видя в том восстановление исторической справедливости или даже исполнение морального долга.

За неимением возможности предъявить территориальные претензии Украине, официальный Бухарест опекает и поддерживает прорумынские настроения, отмечаемые главным образом в Черновицкой области, где для них имеется соответствующая этносоциальная база [11]. Произошедшая в 2014 г. «майданная революция» («революция достоинства» в официальной терминологии Киева) придала ощутимый импульс общественным движениям, в том или ином виде представляющим интересы буковинских румын. Причина усиления их активности кроется в общей дестабилизации этнопо-

литического ландшафта «постмайданной» Украины, спровоцированной Киевом. Вместе с тем прорумынски настроенные организации, действующие на севере Буковины, носят в основном культурно-образовательный характер и не выдвигают открытых политических требований.

Кульминацией политического действия, эксплуатирующего тему «буковинской ирреденты», стало 100-летие «великого объединения» румынского народа, помпезно отмеченное Бухарестом в конце 2018 г. Украинский аспект румынских торжеств состоял в постоянном навязчивом упоминании о Черновцах как об одном из центров национального объединения, где в ноябре 1918 г. произошло подписание документа, декларировавшего слияние Румынии и Буковины. Этот исторический факт был отмечен на самом высоком уровне в торжественной речи президента Румынии Клауса Йоханниса [12]. Кроме того, к знаменательной годовщине выпущено огромное количество сувениров, масса печатной продукции и даже партия памятных денежных знаков.

Пожалуй, дальше других пошли депутаты совета города Яссы, 28 ноября 2018 г. принявшие символическую декларацию и провозгласившие Северную Буковину частью великой Румынии. Народные избранники пообещали, что приложат все силы к интеграции утерянных земель [13]. Следует заметить, что подобные символические «воссоединения» широко практикуются сторонниками «Романия Маре» в Румынии и прорумынски настроенными общественными движениями в Молдове. Они подаются как «народная инициатива» и служат пропагандистским целям Бухареста.

Официальный Киев старался не обращать внимания на происходящее в соседнем государстве, делая вид, что самой Украины все это не касается. Тем не менее еще за полгода до описанных событий Служба безопасности Украины провела показательные «профилактические» мероприятия в отношении румынских активистов, действующих на Буковине, чем спровоцировала громкий дипломатический скандал. Поводом послужили вышеупомянутые образцы пропагандистской полиграфии – «историческая» карта «великой Румынии» и прочая «подрывная» литература, изъятые при обыске в румынском культурном центре имени Евдоксия Гурмузаки в Черновцах. Против руководства центра было выдвинуто обвинение в посягательстве на территориальную целостность страны.

В качестве ответной меры украинский посол был вызван в МИД Румынии и предупрежден о недопустимости нападков на культурные учреждения румыноязычного меньшинства. Одновременно в румынских СМИ прокатилась мощная волна осуждения украинской политики и солидарности с буковинскими соотечественниками, вынужденными испытывать на себе ее последствия. Скандал придал дополнительный политический резонанс от-

мечаемому юбилею, а украинские власти оказались перед нелегкой дилеммой: продолжать борьбу с культурным сепаратизмом, вызывая все более яростную реакцию западного соседа, или свернуть начатую кампанию, рискуя получить упреки от своих национал-патриотов в непоследовательности, «мягкотелости» и попустительстве румынским амбициям. Как видно, Киев выбрал второе, хотя до сих пор пребывает в некоторой растерянности относительно дальнейших взаимоотношений с Бухарестом и его «подопечными».

Уже в самом начале румынско-украинского диалога, инициированного «майданной революцией» 2014 г., наблюдатели предрекали неизбежный конфликт интересов двух стран, в первую очередь – на территориальной или этнотерриториальной основе. Наиболее вероятной точкой обострения представляется район дунайского устья, где между государствами отсутствует четко лимитированная граница. Действительно, вопрос о дунайском фарватере и принадлежности острова Майкан относится к числу спорных, но он может оставаться таковым неопределенно длительное время, не влияя существенным образом на природу взаимоотношений Киева и Бухареста. Традиционное беспокойство вызывают ирредентистские настроения на севере Буковины. Определенная напряженность между румынскими общинами и официальным Киевом, очевидно, присутствует, однако и она сама по себе является не поводом для румынско-украинского конфликта, а, скорее, служит предметом двусторонних консультаций.

Бурные обсуждения вызывают эксцессы, связанные с активностью поборников великорумынской идеи. Сам факт наличия подобной идеи и ее влияния на умы румынских граждан трудно отрицать, правда, как уже отмечалось, в ней гораздо больше от обостренного национального самосознания, чем от политического замысла. Более реальную опасность для современной Украины представляет утрата международной субъектности, наметившаяся после националистического переворота. Отринув советскую модель государственной идентичности, киевские власти пытаются «переформатировать» страну на новых принципах, плохо совместимых с ее крайне сложным национально-территориальным и культурным обликом. В современном мире наверняка найдется немало желающих воспользоваться «результатами» запущенного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Посол Украины в Румынии Александр Баньков: «Темные времена» в наших отношениях закончились». – *Business Forecast. By*, 10.09.2018. URL:

<https://businessforecast.by/partners/posol-ukrainy-v-rumynii-aleksandr-bankov-temnye-vremena-v-nashih-otnoshenijah-zakonchilis/> (дата обращения 14.04.2019).

2. Загублені в перекладі: румунська чи молдавська? – *Всесвітня служба радіо Румунія*, 21.06.2012. URL: https://www.rri.ro/uk_uk/Загублені_в_перекладі_румунська_чи_молдавська-2330 (дата обращения 14.04.2019).

3. Президент Румынии признателен Януковичу за языковой закон. – *ForUm*, 04.08.2013. URL: <https://for-ua.com/politics/2013/08/04/112831.html> (дата обращения 14.04.2019).

4. Declarația de presă a Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, susținută la finalul participării la cea de-a 72-a sesiune a Adunării Generale a ONU. – *Președintele României. Agenda-presedintelui*, 21.09.2017. URL: <https://www.presidency.ro/ro/presedinte/agenda-presedintelui/declaratia-de-pres-a-a-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-sustinuta-la-finalul-participarii-la-cea-de-a-72-a-sesiune-a-adunarii-generale-a-onu> (дата обращения 13.04.2019).

5. Session of the Romanian-Ukrainian Joint Intergovernmental Commission on the Protection of Peasons belonging to National Minorities, Kiev. – *Ministerul Afacerilor Externe. Centrul de presă*, 13.09.2017. URL: <https://mae.ro/en/node/43227> (дата обращения 14.04.2019).

6. Опубликован полный текст резолюции ПАСЕ по скандальному закону об образовании в Украине (документ). – *УНИАН*, 12.10.2017. URL: <https://www.unian.net/politics/2185349-opublikovan-polnyiy-tekst-rezolyutsii-pase-po-skandalnomu-zakonu-ob-obrazovanii-v-ukraine-dokument.html> (дата обращения 14.04.2019).

7. Рекомендации Венецианской комиссии по закону об образовании. Текст документа. 08.12.2017. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2017/12/8/7074838/> (дата обращения 15.04.2019).

8. Закон об образовании: Климкин рассказал о разнице в позициях Венгрии и Румынии. – *Сегодня*, 13.10.2017. URL: <https://www.segodnya.ua/politics/zakon-ob-obrazovanii-klimkin-rasskazal-o-raznice-v-poziciyah-vengrii-i-rumynii-1063712.html> (дата обращения 15.04.2019).

9. Ministrul Teodor Meleșcanu, în vizită la Cernăuți: «Până la identificarea unor soluții concrete, România va menține subiectul Legii educației pe agenda discuțiilor bilateral». – *Ministerul Afacerilor Externe. Centrul de presă*, 11.01.2018. URL: <https://mae.ro/node/44631> (дата обращения 15.04.2019).

10. Заявления некоторых делегаций в ПАСЕ выглядели как скрытые территориальные претензии к Украине – Ирина Геращенко. – *Факты*,

12.10.2017. URL: <https://fakty.ua/247912-zayavleniya-nekotoryh-delegacij-v-pase-vyglyadeli-kak-skrytye-territorialnye-pretenzii-k-ukraine-irina-geracshenko> (дата обращения 16.04.2019).

11. Як Україні унеможливити створення “народних республік” на кордоні з Румунією. – *Деро.Донбас*, 12.10.2016. URL: <https://dn.depo.ua/ukr/dn/yak-ukrayini-unemozhliviti-stvorennya-narodnih-respublik--12102016150000> (дата обращения 16.04.2019).

12. Alocuțiunea Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, susținută cu prilejul inaugurării Monumentului Marii Uniri. – *Președintele României. Agenda-presedintelui*, 01.12.2018. URL: <https://www.presidency.ro/ro/presedinte/agenda-presedintelui/alocutiunea-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-sustinuta-cu-prilejul-inaugurarii-monumentului-marii-uniri> (дата обращения 16.04.2019).

13. Procesul verbal al ședinței extraordinare din data de 28.11.2018 a consiliului local al municipiului Iași. – *Site-ul Primăriei municipiului Iasi. Directia relatii publice si transparent desicionala*. URL: <https://www.primaria-iasi.ro/imagini-iasi/fisiere-iasi/1544100799-PV%20sedinta%2028%20nov%202018.pdf> (дата обращения 16.04.2019).